

СЧАСТЬЕ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ

У театров, как у людей, — своя судьба, свое неповторимое счастье. Есть театры, о которых спорят, театры, которые долго и не всегда успешно отстаивают свое творческое кредо, театры, вызывающие модный ажиотаж, а театры, при всех обстоятельствах сохраняющие солидность. Но есть еще — и мы когда не перестанут быть — театры любимые. Любимые всегда. Разными поколениями. Любимые не только в минуты удач. И может быть, именно эта любовь помогает им не терять со временем свой характер, не губить, как говорили в старину, само бессмертную душу, а сохранять ее во всем богатстве и многогранности.

Надо ли уточнять, что слова эти о театре имени Вахтангова, счастливой судьба которого неизменно вызывала в Армянском чувстве гордости, потому что, бесспорно, по-иному сложился бы характер и поперек театра, если бы не вечный салма творческого горения Евгения Вахтангова и Рубена Симоняна. И величайший главный режиссер театра, народный артист СССР Валерий Рубенинович Симонян до многого связан с Армянским и ее культурой. И «Ричард III», поставленный на сцене Вахтанговского театра другим народным артистом СССР — Рачио Капалайном, еще одна веха этого непрерывающегося контакта.

Не впервые радует нас вахтанговский театр своим приездом. На этот раз три спектакля, показанные по инициативе театра «Дружба», стали, прежде всего, свидетельством поразительного творческого даянства театра, показавшего шекспировскую трагедию, современную советскую драму и старинный водевиль. И во всех этих жанрах, не споря друг с другом, одарила нас частичей своей души, высоким своим мастерством и талантом звезды вахтанговского театра — Юрия Борисова, Людмила Максимова, Алла Парфяняк, Ирина Купченко, Екатерина Райкина, Михаил Ульянов, Юрий Яковлев, Василий Лановой и другие представленные артисты.

И непритязательная, казалась бы, комедия польского драматурга А. Фредро, поставленная народным артистом РСФСР А. Ремизовой, уже знакомая по телевизионному фильму, вновь покорила не только своим изяществом и безупречным юмором, благодатнейшим вахтанговским чувством водевильности, но и благородством, едва ощутимым отсветом грусти. Спектакль этот, несомненно, глубокий, чем была и по которой он создан, и Майор в исполнении Ю. Яковлева вызывает не только всеобщую улыбку, но и легкое сожаление о несбыточном. При всем своем безупречном колорите этот старый водевиль покорит своей доб-

ротой и плохо скрываемой неустроенностью, а прелестная, ферфорово-грациозная Зоя (Е. Райкина) воспринимается как аллегория счастья и молодости, неожиданно и неуместно раздражающих доверчивую и честную душу.

Драма А. Арбузова «Ожидание» в постановке Евг. Симоняна привлекает своей неторопливой поэтичностью, подробностью раскрытия внутренней жизни героев, создающей ту ненавязчивую проблематику, лишенную какой-либо риторичности, которая придает этому спектаклю этическую и гражданскую значительность.

В данном случае у театра, думается, были определены трудности, так как, в отличие от других произведений Алексея Арбузова, «Ожидание» перекликается с такими известными, как «Помни сердца», «Близки «Ожиданию» в какой-то степени «Долги наши» и «Солдатская адова» — те же мотивы возращения к прошлому и родному спустя непротекшее долгое время, та же темная прояснения после долгого и горестного ожидания, та же большая тяжелая доля русской крестьянки, жизнь которой перекроила война.

И, однако, столь трезвый Ю. Борисов в роли Людмилы-Аллы, так волевыми достоверно любовь ее в Павла, образ которого строится В. Лановой, а романтические моменты и трепет

даже не редкостным своим робанием, а сочетанием внутренней силы и сознания обреченности, так достоверны и социально узнаваемы. Ермаков в исполнении Г. Абрикозова и Катерина, сыгранная А. Пашковой, что все это одухотворяет спектакль «Ожидание», определяет его внутренний дуализм, нервный и лихорадочный, до боли контрастирующий со сдержанностью, порой даже медлительностью общего строя спектакля. Эта высокая духовность и неоднозначный подход к решению сложных человеческих проблем, где личное переплетено с гражданственным, создает неповторимость спектакля «Ожидание».

О вахтанговском «Ричарде III» много писали. В Ереване спектакль этот вызвал особый интерес, так как был поставлен Р. Капалайном уже после ереванского спектакля. При этом эпичность никак не подразумевает безстрастия. Спектакль, удивительный нагляд, проникнут страстью отрицания и обличения. Происходящее в нем бесспорно. Трагическое хроникал можно было бы с полным основанием назвать это шекспировское воплощение театра можно определить как великую трагедию, жесткую и суровую, то спектакль в театре им. Евг. Вахтангова является напоминанием о шекспировском слове хроника. Неумолкимо и тихо, строго следуя за

событиями, развивается вахтанговский «Ричард III», сохраняя не только эпическую, но и, выражаясь современным языком, документальную достоверность происходящего, научную от материала.

Эта хроникальность, синонимичная документальности, — уже в свободном монтаже шекспировских сцен, в отсутствии заботы о сюжете и его перипетиях. Всеми этими событиями движет личность, именем которой названа пьеса, — Ричард III. И оценка этой личности, как вообще в шекспировских хрониках, достаточно точна и определена.

И вот эта четкость оценки, неувязчивость отношения к Ричарду Глоустеру при всей сложности его личности, в сочетании с эпичностью, составляет одну из наиболее существенных особенностей вахтанговского спектакля. При этом эпичность никак не подразумевает безстрастия. Спектакль, удивительный нагляд, проникнут страстью отрицания и обличения. Происходящее в нем бесспорно. Трагическое хроникал можно было бы с полным основанием назвать это шекспировское воплощение

театра можно определить как великую трагедию, жесткую и суровую, то спектакль в театре им. Евг. Вахтангова является напоминанием о шекспировском слове хроника. Неумолкимо и тихо, строго следуя за

событиями, развивается вахтанговский «Ричард III», сохраняя не только эпическую, но и, выражаясь современным языком, документальную достоверность происходящего, научную от материала.

Эта хроникальность, синонимичная документальности, — уже в свободном монтаже шекспировских сцен, в отсутствии заботы о сюжете и его перипетиях. Всеми этими событиями движет личность, именем которой названа пьеса, — Ричард III. И оценка этой личности, как вообще в шекспировских хрониках, достаточно точна и определена.

И вот эта четкость оценки, неувязчивость отношения к Ричарду Глоустеру при всей сложности его личности, в сочетании с эпичностью, составляет одну из наиболее существенных особенностей вахтанговского спектакля. При этом эпичность никак не подразумевает безстрастия. Спектакль, удивительный нагляд, проникнут страстью отрицания и обличения. Происходящее в нем бесспорно. Трагическое хроникал можно было бы с полным основанием назвать это шекспировское воплощение театра можно определить как великую трагедию, жесткую и суровую, то спектакль в театре им. Евг. Вахтангова является напоминанием о шекспировском слове хроника. Неумолкимо и тихо, строго следуя за

событиями, развивается вахтанговский «Ричард III», сохраняя не только эпическую, но и, выражаясь современным языком, документальную достоверность происходящего, научную от материала.

костюмные люди окружают Ричарда. И потому с такой легкостью побеждает его, торжествует этот бесноватый, мажорский восток. Люди эти впадают за сцену, когда они не являются непосредственно их, и потому неосознанно вызывают ответного чувства. В спектакле царит атмосфера трагических убийств, злодеяний, не порождающих протеста. В отголосках. Кэтсби и Ртланд, (З. Зорин и В. Золушкин) — персонажи, словно Ровесники и Гильденстерн, возмущенные и безликие, безразличные и никакие на ошибающиеся, оказываются победителями в этом мире безличности и потерь человеческих судеб, против которого со всем талантом и темпераментностью выступил этот великий гражданственный спектакль.

Наша встреча с театром подошла к концу. Она доставила ереванцам немало радости и волнения. В памяти у многих останутся спектакли, отдельные образы, встреча с актерами, которых даило мечта. Трудно удержать на сцене. Такти встреч у мастеров театра им. Евг. Вахтангова очень и очень много. И каждая требует мобилизации всех сил. Потому что, готовясь к каждому новому спектаклю, театр не замыкается об этом, отстраняет свое особое счастье — счастье быть любимым.

М. ХОНТОВА.